

Известия. — 1999. — 8 апр. — с. 5

Наследство лидера

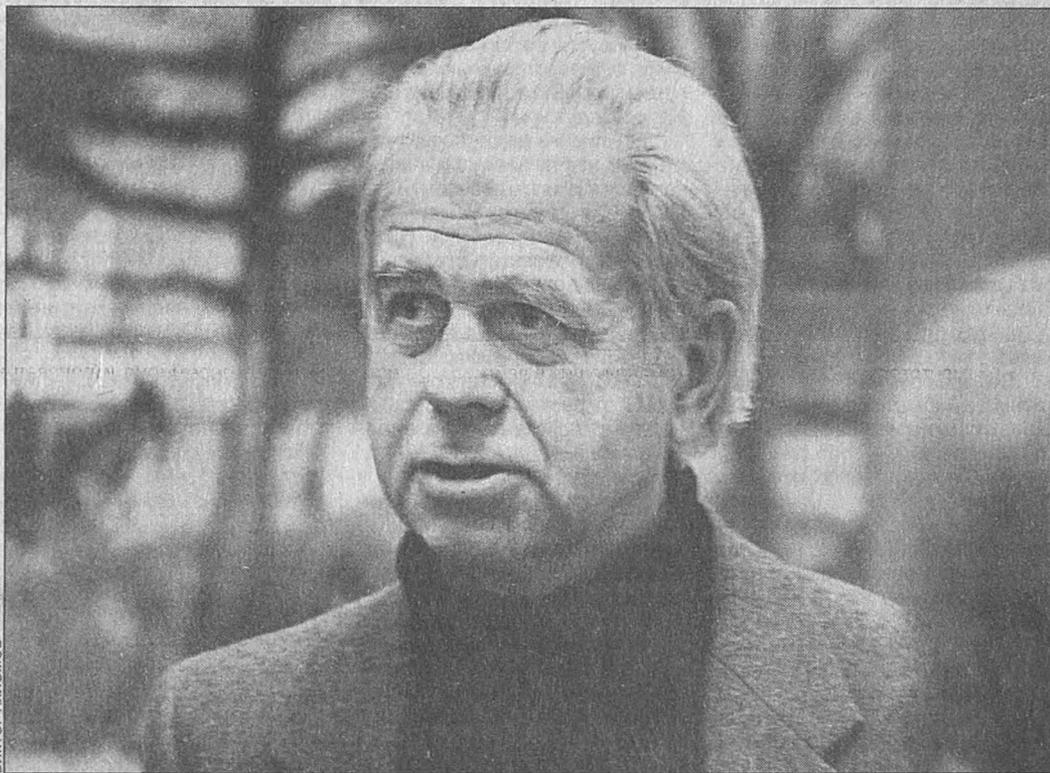
70 лет со дня рождения Эдисона Денисова

Петр ПОСПЕЛОВ

Денисов не принадлежит к числу тех художников, кто не был оценен при жизни, зато стал великим тотчас после смерти. Он также не из тех, кто при жизни был в центре внимания, а после смерти оказался забыт. Денисов умер три года назад, но юбилей прошел почти так, как мог бы пройти при его жизни — в заинтересованно-рабочем тоне, который он сам предпочитал чувствованиям и цветам. Два дня подряд — сначала в Доме композиторов, потом в Консерватории — шли доклады, чтения, анализы, репетиции, концерты. Круг присутствовавших был абсолютно тот же, что всегда, — композиторский актив, консерваторская профессура, студенты, никого зевая, — при этом Консерватория гудела, как улей, а на последнем концерте едва можно было отыскать свободное место.

Никому в голову сейчас не придет назвать Денисова необыкновенно актуальным композитором; вместе с тем мир, выстроенный им как в музыке, так и в жизни, оказался на удивление прочен. Все при нас — корпус партитур в идеальном порядке, только исполняйте. Среди окружения бывшего лидера предателей нет — все на месте, и каждый счастлив писать воспоминания. Денисов — самый «прокомментированный» композитор своего поколения; к юбилею стараниями музыковеда Валерии Ценовой вышла уже пятая по счету посвященная ему книга. Она называется «Свет. Добро. Вечность», и больше на обложке ничего не значится — попробуйте догадаться о содержании этой книги, если увидите ее на прилавке.

Денисов был сентиментален, верил в Бога, любил Глинку и Шуберта, терпеть не мог, когда его называли авангардистом, а слово «свет» действительно не сходило с его языка и дневниковых страниц. На них мы можем прочесть, правда, и другое — например: «Многие отвратительные черты социализма помог создать своими операми Римский-Корсаков. Он выходил из состояния духовного равнодушия

ВИКТОР АХЕЛОВ

очень редко». Другой композитор виноват в обратном: «Вся музыка Шостаковича последнего периода — это музыка, написанная в плохом настроении». Ученики Денисова пишут о нем так: «В его высказываниях почти всегда уживались блеф и искренность в таком причудливом сочетании, что порой бывало невозможно отделить одно от другого. Зная большие места своего собеседника, он мог называть белое черным и наоборот...» Несомненно, нам сейчас, в прекрасную эпоху вежливости и плюрализма, не хватает Денисова, всего готового кого-то пылко воспеть или припечатать. Отлично, что «добро» Денисова теперь помещено в книгу. Что же касается «вечности»...

«Вчера послушал по телевизору Седьмую симфонию Д.Д. Поразительно плохая музыка. Почти без просветов. Вот пример композитора, который уже при жизни устарел». Поступим крайним образом и спросим: а не применимы ли эти

слова к их автору? Очень часто, особенно на премьерах последних 10—15 лет, думалось, что да. Но время еще не успело расставить все на свои места. Возможно, прошедшие юбилейные концерты — старт итогового разбирательства. Что из музыки Денисова окажется достойным вечности, неизвестно, но из того, что прозвучало в эти дни, — может быть, половина или треть. Как хороши, например, камерные сочинения рубежа 60—70-х, но они совершенно не отменяют значения поздних крупных опусов. В музыку Денисова полезно вслушиваться, но только при одном условии — надо поверить ей самой и начисто забыть об истории советского нонконформизма, о мировом авангарде, о политике, о лидерстве, о школе. Тогда явятся такие чистой воды шедевры, как пьеса для вибратона «Черные облака» (1989), которую на юбилейном концерте дивно сыграл Марк Пекарский (помню, что десять лет назад, на прошлом юбилее, она

не произвела на меня никакого впечатления).

В 60-е годы, обрабатывая мозги Союзу композиторов, Денисов вещал так: «Когда мы говорим о проблемах современного музыкального языка, мы невольно затрагиваем не только общеэстетические, но и технические проблемы». Пафос возымел действие, и сегодня все равно наоборот: технические проблемы обсуждены вдоволь, между тем общеэстетические, вроде бы сами собой разумеющиеся, уплыли, не оставив адресов. Нужно начинать заново, только в обратном направлении — и сама денисовская эпоха представляет для этого богатый материал. Ключи и шифры предстоит найти новые, не ограничиваясь монограммой EDS, что отмечает и музыкальную марку автора, и конец каждой части в новой книге. Знал ли Денисов, что если набрать ее на клавиатуре, заменив латинский режим на кириллицу, получится «Увы»?